

НЕОКОНЧЕННЫЙ РАССКАЗ ТОЛСТОГО

Сообщение Н. Гудзия

Публикуемый ниже отрывок представляет собою начало неоконченного рассказа Толстого из народной жизни. Тематически он стоит в одном ряду с «Идиллией» и «Тихоном и Маланьей». Здесь фигурируют и приказчик Андрей Ильич, выведенный в этих рассказах, и крестьянин Копыл, присутствующий в одном из вариантов «Тихона и Маланьи». Оба персонажа восходят к реальным прототипам, при чем сохранены даже их имена. Как и в «Идиллии», тут идет речь и о барине. Видимо, Аксютка Фоканычева, упоминаемая здесь, должна была соответствовать Маланье (в «Идиллии» и «Тихоне и Маланье»), а Игнатка, проходящий мимо окон ее избы,— работнику Андрею, фигурирующему в обоих названных рассказах. Можно думать, что прототипом для Аксютки была, как и для Маланьи, Аксинья Аниканова (Базыкина), предмет страстного увлечения Толстого до его женитьбы (см. о ней выше, стр. 127). Но, в отличие от Маланьи, Аксютка в публикуемом отрывке не замужняя женщина, а девушка. Очевидно, Толстой решил изобразить здесь Аксиною Аниканову такой, какой она ему представлялась еще до замужества.

Возможно, что именно этот набросок является попыткой осуществить замысел, о котором говорится в записи дневника 7 августа 1860 г.: «Мысль повести. Работник из всех одолел девку или бабу». Очень вероятно также, что именно к печатаемому наброску относится и дневниковая запись от 13 апреля 1861 г.: «Попытка писанья Акс[иньи]».

Рассказ начинается прямо с приезда в деревню барина; это наводит на мысль о том, что барину здесь предполагалось отвести гораздо большую роль, чем в «Идиллии». Возможно, что в дальнейшем развитии сюжета речь пошла бы о романтических отношениях барина к Аксютке и о его соперничестве на этой почве с Игнаткой.

О дочери Фоканова говорится и в основном варианте «Тихона и Маланьи»: «Вот Фоканычева девка с дворовыми идет, с Маврой Андреевной разговаривает, оттого что она грамотница в монастырь хочет идти». Но, судя по этой характеристике, сомнительно, чтобы «Фоканычева девка» из рассказа «Тихон и Маланья» и Аксютка из публикуемого наброска восходили к одному и тому же прототипу.

Язык наброска не выдержан. Начатый в стиле народной речи, он продолжается в стиле речи литературной.

Набросок написан рукой Толстого на согнутом пополам полулисте писчей бумаги совершенно такого же качества, как и бумага, на которой написаны «Идиллия» и «Тихон и Маланья» с их вариантами. Датировать рукопись следует так же, как и рукописи этих двух рассказов, т. е. промежутком времени между второй половиной 1860 г. и концом 1862 г. Если верно приурочение дневниковой записи Толстого от 13 апреля 1861 г. к данному наброску, то датировка рукописи окажется еще более точной.

Рукопись хранится в толстовском архиве Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина.

[НАЧАЛО НЕОКОНЧЕННОГО РАССКАЗА]

Прежде всех в селе узнали у Копыла, что в ночь приехал барин. Слышали все, что есть барин, что звать его Василий Микитич, что живет он в Москве или в другой вотчине, а заправлял всем Андрей Ильич; полная ему воля от барина была дана. Больше о барине ничего не знали, нешто из дворовых или из грамотных кто, или кормилицы. Ихняя баба в Москве жила, одного барчука кормила. Только слава была, что барин. Как все господа, ни худа, ни добра от него не видала, прикащик Андрей сам говорил, что в селе Красном он барин, а больше никто. — А узнали у Копыла прежде других, потому что ихний малый Игнатка в ночь на барском дворе караульщиком был. Так он и видел, как уж после петухов к дому два возка подъехали и выбегала Михайловна, посылала его будить Андрей Ильича, что, мол, барин приехал.

Игнатка видел, как по снегу пробежал Андрей Ильич, застегивая сертук. Очень чудно ему показалось, как сам Андрей Ильич, который, бывало, иначе не ходил, как пузо выставив и еле-еле с ноги на ногу переступая, как этот самый человек теперь спотыкнулся, сбежал с крыльца, не попал на дорожку, в сугроб забился и рысью, как боров отдуваясь, пробежал мимо него.

Часов около пяти огни потухли в доме, и Андрей Ильич прошел к себе. Игнатка постучал еще в доску, но караульщик от амбара не отозвался, и Игнатка, поскрипывая лаптями по подмерзшей дорожке и волоча палку по корке снега, пошел на деревню. — На барском дворе огни только потухли, значит, народ полег спать, а на деревне только зажигались. Проходя мимо Фоканычевых избы, Игнатка особенно внимательно взгляделся в тусклое окно, сквозь которое светился красный огонь печки, и остановился. Ему показалось, что кто-то прошел мимо окна и глянул в него. Но что ему было за дело до этой тени на окне? Во всех почти окнах были такие же огни и такие же тени. Однако он, вместо того, чтобы идти серединой улицы по проезженной дороге, пошел по тропинке между двумя стенами снега и прошел мимо самой избы Фоканычевых.

Аксютка, та самая девка, из-за которой Игнатка прошел мимо избы Фоканычевых, и в голове не имела, что Игнатка прошел под ее окном, она еще, раскидавшись, спала в чулане и не слышала, как старуха встала от нее и затопила печь. Ежели бы она и не спала и знала, что Игнатка тут, едва ли бы она подошла к окну и выглянула в него.